

Г.С. Чернова (Могилев)

ИДЕИ Ж.-Ж. РУССО И ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ Н.М. КАРАМЗИНА

Общественно-политическая мысль XVIII века, названного «Эпохой Просвещения», была направлена на решение главной исторической задачи: уничтожения остатков феодализма в экономике, политике, идеологии. Во Франции Ш. Монтескье, К. Гельвеций, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо; в Германии Г. Лессинг, И. Кант, И.И. Гердер; в России А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, Я.П. Козельский размышляли о возможности преодоления социальной несправедливости и торжестве гуманности и милосердия.

Просветительские идеи не могли не проникнуть в искусство того времени. В этом смысле вполне закономерным становится формирование нового литературного направления – сентиментализма, который был реакцией на изживавший себя абсолютизм и насаждаемую им иерархическую систему ценностей в социальных отношениях и искусстве. В определенной мере сентиментализм можно считать «разрушением» не только эстетики, но и этики классицизма. Воспитывая человека, уважающего свою и чужую свободу, способного к самопознанию, сентиментализм создавал эстетическую и нравственную среду, в которой зарождалась культура XIX в.

Теоретическую основу нового искусства составляли труды философов-просветителей. Но, как справедливо заметил И.Кант, он и его современники во многом учились у Ж.-Ж. Руссо. Французский мыслитель обозначил в своих трудах проблемы, которые в XVIII веке приобрели особую актуальность во всех странах Европы, включая Россию: 1) человек и его права; 2) народ как субъект истории.

В трактате «Об общественном договоре» Руссо осмысливал положительные явления в обществе как следствие родовой, естественной природы людей, а отрицательные объяснял отсутствием или искажением этих природных начал. «Женевский философ» считал человека царем природы, поскольку мыслью и чувствами люди несут в себе изначальную идею добра и справедливости.

Поскольку в глубине души человека всегда живет врожденный принцип справедливости и добродетели, то сила его не в разуме, а в чувстве. Поэтому в борьбе духовной и телесной субстанции, которую постоянно испытывают все люди, победу должен одерживать «голос души – совесть», а не «страсть – голос тела», – убеждал своих читателей Руссо. Он провозгласил внесловную ценность каждой личности и отстаивал «естественные» права, данные ей самой природой. Поэтому Руссо противопоставлял современной действительности об-

щество, не тронутое цивилизацией, и жизнь людей на лоне природы, где не может быть разрушен «строй естественных чувств» [5].

Руссо поставил вопрос о необходимости изучения культуры тех, кого принято называть «простым народом». Как писатель, он ввел в литературу нового положительного героя-простолюдина, с сочувствием и симпатией рассказав о его жизни, страданиях, морали. В «Новой Элоизе» Руссо фактически констатировал историческую закономерность демократизации литературы. «Больше жизни и правды в искусство. Расширьте круг наблюдений, пишите о простых людях – о ремесленниках, крестьянах. Говорите простым языком», - призывал он писателей своего времени [6].

Философские и эстетические идеи Руссо были восприняты во всей Европе. В Германии его последователями стали участники литературного движения «Буря и натиск». Теоретиком и идейным вдохновителем «штюрмеров» был выдающийся мыслитель, писатель, литературный критик И.Г. Гердер. «Он научил нас понимать поэзию как общий дар всего человечества, а не как частную собственность немногих утонченных и развитых натур», - писал И.В. Гете [2, с.313]. Однако сам Гердер называл своим учителем Руссо. Но не потому, что это имя было в то время у всех на устах и было модно предавать проклятию «цивилизацию» и воспевать естественное состояние человека, восхвалять жизнь сердца и чувства, порицать холодный рассудок и рационализм. Вслед за Руссо Гердер доказывал, что образцы «безыскусственности и благородной простоты» следует искать не в элитарной, а в демократической культуре.

Культурный опыт Западной Европы был воспринят и в России. «Собственно просветительская философия стала идеологической базой, определившей восприятие художественных стилей и эстетических доктрин в русской литературе XVIII в. и своеобразие их преломления», - отмечал Ю.В. Стенник [7, с.39]. Русские писатели использовали идеи европейского Просвещения, приспособивая их к условиям жизни своей страны. Сентиментализм, таким образом, явился в России тем литературным направлением, перед которым вставала задача создать новую идеологию и утвердить новые эстетические идеалы.

Теоретическую основу русского сентиментализма, по общему признанию его представителей, составляло, прежде всего, учение Руссо о естественных правах личности и ее внесловной ценности. Современники считали Руссо «защитником вольности и прав». При этом следовать его учению было модой. В «Письмах русского путешественника» Карамзин с иронией писал о последователях «женевского философа»: «Желая быть вторым Руссо, он (Вальян – африканский путешественник. – Г.Ч.) ужасным образом бранит просвещение, хвалит диких, находит в Кафрии милую для его сердца, привлекательную Нерину, гоняется за нею, как Аполлон за Дафною, прячет ее перед-

ник, когда она купается в реке, не может нарадоваться невинностию смуглой красавицы, клянется самому себе не употреблять ее во зло и хранит клятву [З. Т.1, с. 478].

Огромное впечатление на русское образованное общество произвел роман Руссо «Новая Элоиза» (1761). Первые неполные переводы его появились в России в 1769 и 1792 годах. Полный перевод произведения в 6 частях вышел в Петербурге в 1803-1804 гг. Под прямым влиянием «Новой Элоизы» был написан Ф.А. Эмином роман «Письма Эрнеста и Доравры» (1766).

Особый научный интерес представляет отношение к Руссо крупнейшего писателя России XVIII в. – Карамзина. В упомянутых выше «Письмах русского путешественника» он поведал читателям, как «с руссовою «Элоизою» в руках» посетил «те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романтических любовников» (Юлию и Сен-Пре. – Г.Ч.). «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с вами его «Элоизу» [З. Т.1, с.279].

В 1791-1792 гг. Карамзин опубликовал рецензии на книги: «Развалины, или размышления о революциях империй. Соч. г. Волнея» и «Жан-Жак Руссо» и проч. Соч. г. Мерсье». Французские авторы выступали апологетами революции. Карамзин, близко наблюдавший в Париже события 1789-1790 гг., а затем внимательно следивший за их развитием, пришел к выводу, что республика так же лишает человека свободы, как и любая диктатура. С этой точки зрения ему представлялось, что «монархическое правление гораздо счастливее: оно не требует от граждан чрезвычайности». Доказательство этой мысли Карамзин находил в этическом учении Руссо, утверждавшего «естественное право» каждого человека, прежде всего, на жизнь. Он был категорически против того, чтобы имя «женевского гражданина» руководители Французской революции включали в число ее идеологов. «Думаю, что нынешние французские ораторы не одолжили бы его своими хвалами: чувствительный, добродушный Жан-Жак объявил бы себя первым врагом революции», - писал Карамзин [З. Т.1, с.496].

По своим политическим взглядам русский писатель был сторонником просвещенной монархии. Ю.М. Лотман считал Карамзина скорее либералом, который не верил в революции, зато верил в исторический «прогресс доброты» [4]. Следует добавить, что в отличие от своего кумира, который «брал ученость», Карамзин считал необходимым условием этого прогресса именно просвещение общества, направленное на его моральное совершенствование. «Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя ее другом и ее сыном и хочешь обратить людей к ее спасательным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? <..> Не она ли призывает нас к наукам <...>. Где натура,

где человек - там учительница, где ученик - там наука», - писал он в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении» [З. Т.2, с.124, 126]. Образование и нравственное воспитание - вот что, по убеждению Карамзина, давало возможность личности противостоять любым формам деспотии. Это убеждение объективно ставило его в оппозицию властям.

Свобода и «естественные права» человека - это те общие точки, которые связывали этические устремления Карамзина с учением Руссо. Для обоих право личности быть собой, иметь свою систему ценностей было тождественно самому понятию «человек». Как и Руссо, Карамзин ориентировал мораль свободной личности не на внешние, а на внутренние запреты. В его этических взглядах, таким образом, соединялась просветительская идея «естественного права» человека с учением о «категорическом императиве» И.Канта.

В отрывках «Из записок одного молодого россиянина» Карамзин объяснил, почему среди других писателей ему ближе Руссо. По сути, в этом отрывке он изложил этические принципы сентиментализма: «Кто многозначительными опытами уверился, что человек всегда человек, что мы имеем только понятие о совершенстве и остаемся всегда несовершенными, в глазах того наитрогательнейшая любезность в человеке мужественная, благородная искренность, с которой говорит он: «Я слаб» (то есть я человек). Но кто имеет надутые понятия о добродетели, о мудрости человеческой, тот, обыкновенно, презирает сего искреннего мужа [1]. Карамзин понимал, что читателей-современников привлекают не «героические», а «человеческие» стороны характеров персонажей. Он не отрицал воспитательную роль искусства, но был убежден, что не «нравоучительное педанство», а художественное наслаждение, доставляемое произведением, «возбуждает в нас чувство внутреннего благородства».

Рассуждая о соотношении «общего» и «единичного», или, как пишет Карамзин, «особенного» в «изображаемом предмете», он делает шаг вперед относительно художественной практики Руссо. В 1791 г. на русском языке был опубликован роман Ричардсона «Клариса Гарлоу, или История молодой леди». В том же году на страницах своего «Московского журнала» Карамзин поместил отзыв «Достопамятная жизнь девицы Кларисы Гарлов». Он усмотрел достоинство этого произведения в том, что его автор сосредоточил внимание не на «общих», а на «неповторимых чертах» своих героев, что позволило Ричардсону создать «естественные», т.е. живые образы. В этих суждениях Карамзин подошел к вопросу о диалектической связи общего и единичного как необходимого условия создания художественного образа. По сути, он впервые обозначил проблему, которая вышла за рамки сентиментализма и решалась в литературе и критике XIX в.

Карамзин затронул еще один вопрос, который приобретал в русской критике актуальность: личностное начало в творчестве художника. Он отмечал в своих статьях и рецензиях, что субъективизм, т.е. самовыражение, является одним из условий подлинного искусства. Только самовыражаясь, подчеркивал он, поэт способен раскрыть читателю свой душевный мир и тем самым достичь души другого человека. Именно момент самораскрытия в «Исповеди» и «Эмиле» заставлял читателей доверять их автору, Руссо, и вызывал глубокое уважение к нему Карамзина. «Человек редкий, автор единственный, пылкий в страстях и слоге, убежденный в самых заблуждениях, любезный в своих слабостях! Младенец сердцем до старости! Мизантроп, любви исполненный! Несчастный по своему характеру между людьми и завидно счастливый по своей душевной нежности в объятиях природы, в присутствии невидимого божества, в чувстве, его благости и красот творения», - писал он о человеке, которому, по собственному признанию, современники «обязаны многими из любимейших своих идей» [З. Т.1, с.495-496].

Литература.

1. Виноградов В.В. Исчезнувший текст: «Разные отрывки (из записок одного молодого россиянина)» Н. М. Карамзина / В.В. Виноградов / Проблема авторства и теория стилей - М., Художественная литература, 1961. - 614 с.
2. Гете, И.В. Поэзия и правда. Из моей жизни / И.В. Гете - М., Захаров, 2003. - 736 с.
3. Карамзин, Н.М. Собр. соч. в 2 т. / Н.М. Карамзин - М.-Л., Художественная литература, 1964.
4. Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Карамзин - М., Книга, 1987. - 336 с.
5. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо - М., Канон-пресс, Кучково поле, 1998.- 416 с.
6. Руссо, Ж. Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Ж.Ж. Руссо - М., Директ-Медиа, 2006. - 1573 с. (Руссо, Ж.Ж. Эмиль или О воспитании / Ж.Ж. Руссо - СПб., изд-во газеты «Школа жизни», 1912. - 489 с.
7. Стенник, Ю.В. Эстетическая мысль в России XVIII в. в ее связях с искусством и наукой / Ю.В. Стенник - Л., Наука, 1986. - С.37-51.